

Интервью с Натальей Юрьевной СТОЮХИНОЙ

ОБНАРУЖЕНИЕ ПОТОМКОВ СВОЕГО ГЕРОЯ – БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ, КОГДА ПОНИМАЕШЬ: ДОШЛА!

Стоюхина Н. Ю. – Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (1985 г.), Горьковский педагогический институт (1992), кандидат психологических наук (1999 г.). Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, доцент кафедры психологии управления
Основные области научного интереса: история российской и советской психологии, методология историко-научного исследования
Интервью состоялось: февраль-март 2013 г., декабрь 2017 г.

По образованию Наталья Юрьевна Стоюхина – лингвист и психолог, кандидат психологических наук, по роду деятельности – психолог и историк психологии. По направленности, характеру ее поисков – историк науки. Место и временной период ее исторических исследований – СССР, 1920-е – 1930-е годы. Предмет изучения – педология и психотехника. Вместе с тем, в силу специфики содержания, методов этих двух ветвей психологии результаты научной работы Стоюхиной относятся и к истории постреволюционной советской социологии. Не надо объяснять, насколько это малоосвоенная территория.

Отличительной чертой исследований Натальи Стоюхиной является то, что она не только анализирует концепции, подходы, результаты педологов и психотехников, но фокусирует свое внимание на биографических поисках. Она обладает особым даром. Она хочет искать информацию о жизни и творчестве давно ушедших, часто – погибших ученых, умеет это делать, у нее есть терпение долго заниматься историей жизни человека. Она ищет в архивах и в библиотеках, разыскивает родственников. И – находит...

Мы давно знакомы с Натальей, здесь объединены две наши беседы. Первая состоялась в 2013 году, и ее результаты были в свое время опубликованы под заголовком: «О жизни и творчестве С.М. Василейского. Простые вопросы – непростые ответы» (Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 9-15. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content140480991218320file.pdf). Вторая – была короткой, все уместилось в декабре 2017 года.

А все началось так...

19–20 ноября 2012 года в Москве я записал на диктофон большое интервью с академиком Геннадием Васильевичем Осиповым, одним из создателей современной российской социологии. И вот, примерно через 40 минут после начала нашей беседы Осипов, рассказывая об одном из первых в стране теоретико-эмпирических социологических исследований в Горьком, которое было проведено в первой половине 1960-х, говорит (фрагмент интервью):

ГО: Период нашей дореволюционной социологии очень плохо описан, мы говорим только об основных фигурах: М. М. Ковалевский, Н. Я. Данилевский, Н. К. Михайловский, но тут в Горьком встречаю профессора старой русской школы – Василейского.

БД: Никогда не слышал...

ГО: ...а таких много было.. мы с ним беседуем, он работал дворником.. к удивлению я вижу у него методики социологические, которые ничем не отличаются от западных... мы с ним проводим беседы, замечательный человек был. Он говорит: «Нас много было, но мы разбрелись по России, потому что это все было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел».

Я спросил у Осипова имя и отчество Василейского, но в тот момент он не помнил, хотя сказал, что он где-то писал о нем. При транскрибировании интервью я решил посмотреть в Интернете, не написано ли чего о Василейском. Фамилия редкая, можно искать без имени и отчества, и сразу нашел статью Натальи Юрьевны Стоюхиной о нем.¹

Я написал Стоюхиной, к тому моменту совместно с белорусским профессором Л. А. Кандыбовичем она опубликовала книгу о Серафиме Михайловиче Василейском и продолжала активно изучать историю российской психологии конца XIX – начала XX вв. В процессе переписки родилась идея нашего первого интервью с Натальей Стоюхиной, ибо никто лучше нее не мог осветить биографию Василейского и ввести в процесс ее поисков.

Проведенное интервью преследовало две цели. Во-первых, познакомить читателей с жизнью и творчеством Василейского. Его биография уникальна, неповторима и вместе с тем типична для когорты психологов, социологов, личность и научные интересы которых формировались в дореволюционной России, но которым пришлось работать в драматические постреволюционные годы. Во-вторых, обсудить некоторые методологические вопросы историко-биографического анализа.

Прошло четыре года, и мне показалось обоснованным поговорить со Стоюхиной еще раз. Конечно, было интересно узнать, что новое она разыскала. Но даже не это было главным мотивом. Время показало ясно то, что несколько лет назад просматривалось смутно. Стоюхина – не только историк психологии, но и историк социологии. На историков социологии не учат, ими становятся. Наталья Стоюхина им стала и, думаю, такая направленность ее научной деятельности будет усиливаться.

---

¹ Стоюхина Н.Ю. Страницы биографии Серафима Михайловича Василейского: к 120-летию со дня рождения <<http://psyhistory.ru/index.php?VSN=32>>.

Стоюхина Н. Ю. «Обнаружение потомков своего героя — большая радость, когда понимаешь: дошла!»

О вхождении в историю науки

Наташа, как известно, на историков науки не учат, ими становятся. Здесь я собрал мои вопросы и ваши ответы, которые позволяют, пусть очень пунктирно, гипотетично наметить ваше движение в историю науки.

Может быть, Ваши родители или кто-либо среди друзей Вашей семьи, были профессиональными историками, и Вы с детства оказались вовлеченными в изучение прошлого?

Нет, в семье историков не было. О себе дам «школярский» ответ — в школе я училась хорошо, была книжной девочкой, читала много, без разбору и всегда. О генеалогическом поиске, вообще, об архивах, имела весьма приблизительное представление.

В каком городе Вы жили? У вас была домашняя библиотека или вы брали книги в школе, в городской библиотеке? Если иметь в виду старшие классы, какой литературе Вы отдавали предпочтение?

Мое дошкольное детство прошло в маленьком поселке Горьковской области, в Горький наша семья переехала, когда я училась в начальной школе. У нас была небольшая домашняя библиотека, ее явно не хватало. Родители, задолго до школы научив меня читать, следили, чтобы я была записана в библиотеки там, где мы жили (мы часто переезжали из-за работы моего отца). Я была задумчивой и мечтательной девочкой и книги были моими настоящими друзьями. В старших классах я читала ВСЁ, что видела. Вообще ВСЁ. Мама была учителем биологии, и я помню, что читала даже какие-то книги для учителя (улыбаюсь). С БОльшим удовольствием я читала «большие формы» — подписные издания. Мне кажется сейчас, что все советские писатели были прочитаны.... Помню, перечитывала Голсуорси, Золя, Цвейга, Достоевского, и, как ни странно, Горького... Да, нравилась его повесть «Трое», позже, уже в университете — «Жизнь Клим Самгина»....

Закончена школа и...

...Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, это были 1980-е гг. Получила специальность «структурная и прикладная лингвистика». Училась я с удовольствием, а, возможно, и с наслаждением.

... как случилось, что Вы пошли учиться на филологический факультет, да к тому же избрали столь экзотическое направление, как «структурная и прикладная лингвистика»?

В 9 классе увидела незнакомые слова, заинтересовалась, почитала, что смогла найти, сходила в университет... Поняла, что во время обучения будет синтез гуманитарного знания (больше — русского языка) и математики, мне показалось это интересным. Хорошо помню чувство уверенности в правильности выбранного направле-

ния, хотя представление было туманное. Потом реальность вносила свои поправки в нарисованную еще девочкой-подростком картину, но никогда не возникало разочарования. Учиться мне нравилось.

Да, замечу, факультет, на который я поступила, назывался историко-филологическим...

Да, интересно... значит, историко-филологический... похоже, докопался... так или иначе, но к истории Вы прикоснулись... наверное, на историко-филологическом факультете у вас был какой-либо вводный курс в историю как науку, наверное, были друзья среди студентов-историков?

Конечно, студенты всех трех специальностей сидели вместе на общих лекционных курсах и вообще дружили, слышали названия учебных курсов, изучаемых на других специальностях, интересовались, с удовольствием рассказывали друг другу какие-то интересные факты, которые сами недавно узнали, советовали что-то почитать и делились литературой. Компания друзей была смешанной, мы знали, кто какой экзамен сдает, и какие проблемные вопросы есть в этом курсе. Вспоминаю, что на факультете выходила стенная газета, это было множество листов ватмана, расположенных на стенах вдоль всей лестницы внутри факультета. Когда она вывешивалась — это было событие, студенты много и интересно писали в различных жанрах.

Может быть эта историческая «закваска» в определенный момент жизни и определила Ваш интерес к историко-научно-исследовательским поискам?

Возможно... также, как и вообще всегда существовавшие вопросы к истории страны, города, семьи. Наверное, в какой-то момент, столкнувшись с неизвестным фактом, точнее, с неизвестным именем, я решила сама узнать о нем, заодно и посмотреть, как организуется поиск в архиве.

Как развивалась траектория Вашей жизни после завершения университета?

После окончания университета, если приходилось отвечать на вопрос о своей специальности, люди очень удивлялись — что это такое? Т.е. на то время, в середине 80-х, специальность, существовавшую в нашем университете два десятка лет, никто не знал. Были проблемы с трудоустройством. Какое-то время я работала в одном из НИИ инженером-лингвистом, составляла тезаурус какой-то отрасли. После рождения сына, когда пришла пора выходить на работу — это был самый конец 80-х — начало 90-х, — НИИ стали потихоньку закрываться, появились совместные предприятия и пр. Постепенно я поняла: если раньше никто не знал, что такое «лингвистика», но на работу можно было устроиться, то теперь даже вопросов не задавали — сразу отказывали. Встал вопрос о получении второй специальности. Кто-то сказал, что в Горьковском педагогическом институте открывают новую специальность — психология — для тех, кто уже имеет высшее образование. Практически ничего не зная о психологии, я пошла туда. Поступила, училась. Мои однокурсницы — все работающие учителя — казались мне знающими всё, а я даже не слышала о Выготском, Эльконине, Давыдове и других основателях педагогической психологии. Приходилось всё читать, читать, читать... Потом работала школьным психологом, написала и защитила диссертацию, перешла на работу в вуз.

Наташа, я исхожу из не очень оригинального положения: жизнь, в частности, профессиональная, это последовательность разных событий, находящихся в какой-то взаимосвязи. Так случилось и у Вас. После защиты диссертации Вы, как бы случайно, спонтанно увлеклись историей психологии, более широко – историей науки. Возможно, Вы сами этого не заметили...

Да, почти так и было. Вскоре после защиты диссертации по педагогической психологии как-то вдруг родился вопрос «а кто был в Нижнем Новгороде ДО моих старших коллег? Кто их учил? Была ли в Нижнем Новгороде психология?».

Первая беседа. Изучение биографии и творчества С. М. Василейского

А отсюда, как говорят в шпионских фильмах: «...поподробнее, с явками, паролями»...

Как-то, в начале 2000-х, мне довелось работать со старшей коллегой, закончившей Горьковский педагогический институт в 1950-х годах. Она часто вспоминала своих преподавателей, и я спросила ее: «Я знаю всех старших и уважаемых коллег (слава Богу, живущих), они нас учили и учат, а кто учил их? С кого началась психология нашем городе?» Профессор шепотом назвала мне фамилию Василейского, а на мои вопросы – кто это? почему шепотом? – она, также понизив голос, произнесла: «Ну, он был известный психотехник и педолог». Тогда у меня интерес к истории психологии был невелик, но слова «психотехник» и «педолог» в сочетании с таинственным шепотом заинтриговали.

Фамилию запомнила и через какое-то время я обратилась к юбилейным вузовским сборникам, из которых узнала, что Василейский на протяжении тридцати лет работал в Горьковском педагогическом институте, тогда в вузе было совсем немного профессоров, и Серафим Михайлович был одним из них. Решив, что такое небольшое количество уважаемых ученых наверняка осталось в памяти вуза, я обратилась на кафедру, где работал Василейский. Увы, сотрудники кафедры мало мне помогли («да... Василейский... был такой раньше...»), на кафедре не было никаких материалов. В библиотеке вуза сохранилась только одна его книга. К счастью, несколько книг обнаружилось в областной научной библиотеке.

Однако в Центральном архиве Нижегородской области архивариус, не заглядывая в свои списки, сразу сказала, что есть фонд Василейского и назвала на память его номер.

Это было мой первый опыт работы в архиве. Когда мне принесли папки, я не могла знать, как это будет увлекательно и захватывающе – держать в руках листки, где за формальными строками автобиографии, докладными, командировочными удостоверениями и прочей канцелярско-отделкадровой скукой скрыта целая судьба!... как палимпсест. Это завораживало. После прочтения всего материала, найденного в тех папках, у меня было ощущение, что фигура ученого будто повисла в воздухе, это было странно. Через небольшое время я поняла, что я не могу поместить его в контекст – у меня его просто нет. Я пошла читать газеты того времени, когда Василейский жил в Нижнем Новгороде – Горьком. Мне повезло – в библиотеке сохранились подшивки газеты, издававшейся педагогическим институтом – «За педагогические кадры». Плохая бумага, уже слабо видимый текст, но – какое «громасьё» планов и «размаха шага саженьи»! какая лексика 30-х годов! какие сюжеты!

Поиск биографических данных Серафима Михайловича дал мне возможность познакомиться с самыми разными людьми, и это тоже был бесценный опыт.

В первую очередь, это мой замечательный и уважаемый соавтор – белорусский психолог, профессор Лев Александрович Кандыбович (1934–2011).

Когда я опубликовала первую работу о С.М. Василейском, моя коллега, историк психологии, вспомнила, что в Белоруссии, может быть, в Минске, есть ученый, который тоже писал о Василейском, назвала его фамилию – Кандыбович. Больше она ничего о нем не знала. Я нашла телефоны двух вузов Минска, где должна была быть психология: Белорусский государственный университет и Белорусский государственный педагогический институт им. М. Танка, позвонила в ректораты, нашла профессора Кандыбовича в педагогическом университете, созвонилась с ним. С тех пор мы с ним стали переписываться. Он писал об основателях белорусской психологии, и Василейский там – первая фигура. Работа с Львом Александровичем – глубоко порядочным, ответственным, интереснейшим человеком кроме приятных часов общения и совместной работы, научила меня многому. И благодаря его организационным усилиям в Минске в 2009 г. вышла наша совместная книга о психотехниках Беларуси, большая часть которой посвящена анализу биографии и творчества Василейского.²

В своем рассказе Г. В. Осипов приводит слова С. М. Василейского: «Нас много было, но мы разбрелись по России, потому что это все было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел». К последней части этого фрагмента воспоминаний мы вернемся. А сейчас хотел бы узнать, кого из коллег, учеников Василейского Вы нашли в процессе своих поисков?

На мой взгляд, Серафим Михайлович пострадал больше своих коллег-педологов из пединститута. Он был уволен с работы, вынужден был работать в Кирове, где, фактически, отсиживался с 1938 по 1944 г. Будто бы переждал, пока все уляжется, что унижительные слова о педологии и педологах сгладятся в памяти людей, что тяжелые военные заботы вытеснят их. Но переезду предшествовали чудовищные по иезуитскому издевательству проработки на различных комиссиях. Я читала эти протоколы³.

Ближайшим учеником коллегой Василейского был Александр Александрович Гайворовский. Он был студентом Серафима Михайловича, еще учась в Самарском государственном университете в 1918–1921 гг., потом Василейский пригласил его на работу в БГУ, и они были вместе до 1929 г., пока Василейский не переехал в Нижний Новгород, а позже встречались на съездах и конференциях. В дальнейших научных работах Гайворовского прослеживаются идеи Василейского. Так, в статье «Изучение аудитории» (1923) он описал представления об окружающем мире, особенно, о социально-политической его составляющей у красноармейцев Приволжского военного округа. В работе «Развитие круга общежизненного и общекультурного опыта современного ребенка» (1928) Гайворовский на примере различных возрастных, половых и национальных групп детей, подростков и взрослых БССР сделал попытку выявления запаса знаний и словесных представлений, которыми обладали данные группы, как располагался этот общий запас знаний и представлений по основным областям природы и культуры, как постепенно убывал запас представлений, относящихся к царскому строю, на каком культурном уровне находились бедняцкие, середняцкие

---

² Кандыбович Л.А., Стоюхина Н.Ю. Психотехники Беларуси: имена и судьбы. — Минск: Тесей, 2009 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=300>>.

³ Стоюхина Н.Ю. Психоанализ в СССР: нижегородский инцидент // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 3 (43). С. 134–147.

и зажиточные слои крестьянского населения Беларуси и пр. После Минска Александр Александрович работал в Краснодаре и Ростове-на-Дону, но, в конце концов, вернулся на родину – в Куйбышев (с 1991 года – Самара) и до 1963 г. жил там, работая в Куйбышевском педагогическом институте⁴.

Что касается нижегородских коллег Василейского, то я бы сказала, что их судьбы после Постановления 1936 г. «О педологических извращениях в органах Наркомпросов» складывались по-разному. Например, доцент Горьковского педагогического института Орест Владимирович Широкогоров с кафедры дошкольной педагогики был арестован в июне 1938 г. по обвинению в участии в антисоветской троцкистской организации, через год с небольшим, в декабре 1939 г. был отпущен, восстановился на работе, но прожил недолго, болел, и умер через два года, в возрасте 33 лет. Как говорит его внучка Н.В. Широкогорова, бабушка всю жизнь вспоминала, что после заключения все его тело было опухшим от побоев. Доцент Алексей Николаевич Крылов, когда-то аспирант Василейского, проработал на кафедре психологии, после смерти Серафима Михайловича возглавил ее. Пожалуй, все его сотрудники-ученики оставались на кафедре до конца своей рабочей деятельности.

Недавно я решила поинтересоваться судьбами коллег Василейского – педологами-практиками, работавших с ним в педологических лабораториях города (Серафим Михайлович, как многие в то время, совмещал несколько должностей). С удивлением узнала, что одна исследовательница, педолог – Ирина Алексеевна Печерникова (1909-?), активно писавшая педологические заметки и статьи о психологии трудного ребенка, в последствие стала кандидатом педагогических наук, писателем. Она – автор педагогических повестей: «Величие души. О воспитании в семье Ульяновых», «Воспитание в семье Маркса», «Её любовь» (о пионерработе), «Подростки», «Скоро юность» и множества научно-популярных работ о воспитании у старшеклассников коммунистического отношения к труду, о воспитании послушания и трудолюбия в семье, о мерах поощрения и взыскания в семье. Другой коллега-педолог, в 1920-х гг. замечательный специалист по работе с беспризорными, тоже впоследствии ставший кандидатом педагогических наук, успешно описывал передовой педагогический опыт, писал статьи по русскому языку и литературе.

Кто-то из коллег Василейского в разгар борьбы с космополитизмом писал в ВАК, «сигнализируя» об «ошибках» Серафима Михайловича – своего коллеги и руководителя...

Обобщая накопленный Вами опыт, какие из источников информации представляются Вам наиболее полезными в такой работе? Можно ли надеяться на то, что в городских, университетских архивах может быть найдена ценная информация о психологах, работавших в конце XIX – первой трети XX вв.?

Простой вопрос – непростой ответ. Помню, когда я заинтересовалась вопросом «Были ли в Нижнем психологи?» и, не получив ответа от старших авторитетных коллег ответа, поняла, что нужно самой установить хотя бы круг этих людей, хотя бы имена, – вот это была проблема. Ведь никто не интересуется психологами и историей психологии в провинции, мы говорим не более, чем о двух десятках психологов, живших в столицах. Как только установила имена и годы – пошла в государственный областной архив. Я не знаю, как бы оценили состояние фондов нашего архива профессиональные историки-архивисты, но то, что я искала, находила, правда полнота,

⁴ Стоюхина Н.Ю. Гайворовский Александр Александрович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: дайджест. 2017. № 3. С. 15–73.

объем искомого были разной. Так, когда работала с личными делами первых преподавателей и профессоров Нижегородского государственного университета, приехавших в город в 1918 г., заметила, что нет личных дел некоторых ученых. Я специально не выясняла, но из того списка, что был у меня, личных дел не было у тех, кто был позже, в 30-х, репрессирован, например, Алексей Федорович Лосев (1893–1988), Владимир Федорович Динзе (1880–1938).

Каково Ваше мнение о родственниках ученых того времени как источнике биографической информации о своих предках? Я допускаю, что вопрос может не иметь общего ответа, тогда приведите несколько примеров успешных и не успешных обращений к представителям семей интересующих нас ученых?

Впервые я стала заниматься поисками родственников, когда искала материалы о Василейском. Оказалось, что в нашем городе живет его внук – Владимир Юрьевич Водзинский, любезно поделившийся со мной семейными архивами. В его семье знали, что Серафим Михайлович работал в педагогическом институте, что у него были какие-то трудности в карьере, отразившие время, сохранились даже две-три книги. Но я-то знала о Василейском больше. Меня поблагодарили. Потом я познакомилась с дочерью А.А. Гайворовского – удивительной Галиной Александровной Петербургской, она жила в Самаре. Я к ней приезжала, и она три дня мне рассказывала, что помнила. Как-то заинтересовалась психотехником, жившим некоторое время в нашем городе Григорием Абрамовичем Ротштейном, позже ставшим известным психиатром. Подумала: а вдруг в интернете есть еще Ротштейн, и это родственник? И сразу же нашла Владимира Григорьевича Ротштейна-сына, тоже психиатра, из Москвы. Стала звонить, объяснила, кто я, зачем мне информация. Понимаете, настраиваясь на разговор по междугороднему телефону, я отдаю себе отчет, что для человека такой звонок – неожиданный, он может подумать все, что угодно, может быть недоверчивым, растерянным, может просто отказаться говорить – я же не могу подтвердить честность своих намерений по телефону, не могу паспорт свой предъявить... Однажды после длинной своей тирады: кто я, зачем я, не будут ли так любезны... и пр., я услышала холодный молодой голос: «Я Вас поняла. Будьте любезны – не звоните сюда больше, забудьте этот телефон». Это известная в стране (и за границей) семья, имеющая несколько поколений ученых, работавших в точных науках. Тогда я немного растерялась, но как-то быстро поняла: это их решение... Поэтому то, что люди отвечают, идут на разговор, дают свой почтовый адрес, – это так здорово! Когда потом я слышу от родственников благодарность, я думаю: да что вы! Это я вам благодарна! Недавно откликнулась внучка одного исторического персонажа, которую я давно искала. Я говорю об одном из первых преподавателей Нижегородского университета – В. Ф. Динзе, русском интеллигенте, педагоге и просвещенце, работавшем в издательстве «Академия», и сгинувшем в 1938 г. Его внучка – Натэлла Абдулаева-Динзе, художник театра и кино, живет то в Москве, то в США, и вот – удача! – она откликнулась. Я получаю большое удовольствие от общения с ней.

У меня есть опыт обращения за помощью в получении необходимой историко-биографической информации в американские университеты. Узнав из книг, статей или информации на сайтах том, что интересующий меня исследователь работал в том или ином университете или что его архив хранится в той или иной библиотеке, я отправлял туда электронное письмо, чаще всего начинавшееся с типового обращения: «Тому, кто может

помочь». Как правило, я в тот же день получал ответ от сотрудника архива и данные о том, что у них есть по интересующей меня теме. В перечне материалов, если мне все было ясно, я просто отмечал, что мне надо. Они делали ксерокопию и присылали материалы по почте вместе со счетом. В ответ я выслал благодарственное письмо и чек. Нередко все эти материалы я получал просто в подарок. Я понимаю, что в России пока нет такой культуры архивной работы и прочее, но все же, как Вы узнаете, есть ли необходимые вам материалы в том или ином архиве и как извлекаете из него искомые материалы?

Завидую Вам, у меня – сложнее. В университетах, как правило, неполные архивы, и если работники университетских архивов или музеев откликаются, то они, как правило, отсылают в областной архив, хорошо, если сообщают номер фонда, описи и пр. А вот потом я пишу письмо в архив какой-нибудь области, начинающееся словами «Уважаемые работники архива». Как правило, в тот же день ответа не получаю, в лучшем случае, через неделю-две, иногда вообще не получаю. Как мне объяснили в одном архиве, письмо, пришедшее электронной почтой, они, конечно, принимают, как письмо, и регистрируют, но лучше, если бы я им еще прислала обычное письмо, для верности. Но иногда и в этом случае не получаю никакого ответа. А когда отвечают из архива, то происходит так, как Вы пишете: приходит квитанция на оплату с объяснением-калькуляцией, почему такая цена, а после оплаты, архивы высылают материалы. Замечательно работает Архив Республики Беларусь – четко, быстро, доброжелательно, также Центральный архив Самарской области.

До Вас дошли какие-либо мемуарные заметки, тексты Василейского?

К сожалению, в архиве сохранилось очень мало рукописных текстов, только автобиографии – *curriculum vitae*, написанные им в разное время для отделов кадров, пара писем, адресованных А. А. Гайворовскому, когда приглашает его в Белоруссию, несколько коротких отчетов о выполненной работе за какие-то периоды, черновик письма в ВАК, когда он просит дать ему возможность ответить «черному» оппоненту на вопросы, которые самому Василейскому казались странными, нелепыми. Конечно, я чувствую недостаток личных документов, но считаю – то, что найдены почти все его печатные работы – это уже хорошо. Я начинала с одной его книги, сохранившейся в библиотеке педагогического университета.

Вернемся собственно к биографии Василейского. Из какой он семьи, какого сословия? Как происходило формирование его как личности? Что повлияло на становление его интересов, обусловивших его профессиональный выбор?

Серафим Михайлович Василейский (1888–1961) — из семьи священнослужителей Самарской губернии. В семье было шестеро детей, мальчики учились в духовном училище, а затем — в семинарии. Из четверых братьев Василейских ни один не пошел в духовную академию, один стал псаломщиком, а трое получили светское университетское образование. К сожалению, ничего не известно о том, кто оказывал на Серафима Михайловича влияние, но был он весьма способным и старательным студентом. К тому же, в семинариях в XIX-начале XX вв. предполагалось серьезное освоение теоретического материала, как общеобразовательных, так и специально-богословских дисциплин. Несмотря на практическую направленность духовного образования, загруженность семинаристов подготовкой, требования были высокими. Считалось, что знание догматического богословия в том объеме, в котором его давала семинария, знание общеобразовательных предметов, например, философии, прямым

образом сельскому священнику в его проповедническом служении, в его духовничестве, не нужно, потому что на эти темы ему вряд ли с кем-то придется разговаривать в своем приходе. Но так или иначе духовно-нравственный уровень образованности священника все равно сказывается, проявляясь в его пастырском служении, имеет значение при обсуждении тем, которые ему хорошо известны. Практическая точка зрения на подготовку семинаристов была такова: выпускник семинарии – это возможный абитуриент духовной академии, а академия должна готовить богословов, церковных ученых, и если в семинарии он не получит надлежащей фундаментальной базы, то ему будет трудно получать образование в стенах духовной академии. В аттестате Василейского об окончании Самарской семинарии кроме богословских дисциплин, есть физика, логика, психология, начальные основания и краткая история философии, и по всем дисциплинам – «весьма удовлетворительно», т.е. высший балл.

Сразу же после окончания семинарии, в 1909 г. Серафим Михайлович поступил в Петербургский Психоневрологический институт (основатель – В. М. Бехтерев, 1907 г.), на базе которого была создана сеть научно-клинических и научно-исследовательских институтов, в том числе и первый в России Педологический институт. Бехтеревым был заложен опыт строго объективного исследования ребенка – его поведения, мимики, речи. В числе профессоров Психоневрологического института (наряду с П. Ф. Лесгафтом, М. М. Ковалевским, Н. Е. Введенским, В. Я. Комаровым, Е. В. Тарле) был А. Ф. Лазурский – российский врач и психолог, создатель психологии индивидуальных различий. Под его руководством С. М. Василейский изучал анатомию, физиологию, общую и детскую психологию.

Через год после начала обучения в Психоневрологическом институте, не прерывая занятий, в 1910 г. Серафим Михайлович поступает в Петербургский университет на историко-филологический факультет.

Где, под руководством кого он осваивал психологию?

Главными фигурами, оказавшими влияние на Василейского в университете, были профессор А. И. Введенский и профессор Н. О. Лосский. После организации на факультете философского отделения Серафим Михайлович стал работать на нем и по плану, выработанному проф. А. И. Введенским, помимо специальных курсов по психологии и философии, изучал основы высшей математики, химии и физики. Он сдал зачет по физике в объеме естественного отделения профессору И. И. Боргману со специальным курсом электричества. Для усовершенствования знаний в психологии и философии в 1913 году Василейского командировали в Лейпцигский университет, где он слушал лекции Вильгельма Вундта по психологии, лекции профессора Иоханнеса Фолькельта по философии и занимался в психологической лаборатории университета под руководством приват-доцента Брана. Выпускная работа в университете была на тему: «Полемика Аристотеля против Платоновской теории идей и чисел». Она была предоставлена профессору А. И. Введенскому и признана весьма удовлетворительной. По всем зачетам в течение университетского курса Василейский имел высшие отметки.

Какие имена – дух захватывает! И если представить молодого человека, который проходит такой путь в науку, то, мне кажется, становится понятным, что он собирается подчинить свою жизнь служению науке, знанию, культуре. Василейский, как и другие его сверстники-психологи (например, большинство московских студентов

посещавших семинарий Г. И. Челпанова), должны были в дальнейшем представлять российскую психологию на самом высоком и достойном уровне.

Ваши поиски дают нам возможность не только говорить о Василейском, но обсуждать и общие вопросы историко-наукоеведческих исследований. В частности коснусь для начала двух тем.

Несколько лет назад, отталкиваясь от анализа состава преподавателей, обучавших психологии Джорджа Гэллапа в Университете Айовы, я ввел понятие «траектории преемственности». Это цепочка ученых, в которой прослеживается прямой, непосредственный контакт между представителями разных поколений одной науки. Выявилось несколько траекторией преемственности, связывающих Гэллапа с «отцами» психологии, внутри которой был и Вундт. К примеру: Вундт учился у Германа Гельмгольца и Густава Фехнера, а среди учеников Вундта был Джеймс Кэттелл, студентами которого были профессора Гэллапа Уорнер Браун и Фредерик Найт. Есть короткая цепочка, соединяющая Гэллапа и Фрэнсиса Гальтона (Гальтон – Льюис Терман – Джайлс Рач – Гэллап). Василейский, принимая во внимание его возраст, относился к поколению большого числа преподавателей Гэллапа. Однако так получилось, что на Василейском и представителях его поколения траектория прямой связи российских психологов с европейскими оборвалась. Так это или не так?

Понятие «репрессированная наука», введенное М. Г. Ярошевым, объединяет множество признаков «репрессированной науки». В частности, оно включает и ограничение научных контактов, даже лишение контактов, без которых то, что ты делаешь как ученый – лишается смысла. Так вот, в последнее время историк российской психологии Антон Ясницкий (Anton Yasnitsky) из Торонто опровергает укоренившийся постулат об изоляционизме советской психологии. Он буквально «посчитал» количество советских психологов – участников в международных зарубежных конференциях в 1920–1930-е гг., количество иностранных публикаций советских ученых, научных публикаций на иностранных языках в СССР, показал, как происходил импорт научного знания – через русскоязычные переводы, рефераты. Оказалось, что цифра впечатляющая. Т.е., понятие «репрессированная наука» представляется не таким абсолютным. И часть историков психологии склонны сейчас согласиться с такой точкой зрения. Другое дело, что участников всех этих командировок, конференций, публикаций и пр. было не так уж и много, это были, зачастую, одни и те же люди, с «громкими именами», имевшие «административный ресурс».

Что касается Василейского, вероятно, в самом конце 1920-х гг. он переводит книгу британского психоаналитика С.В. Kimmins “Children’s dreams”, которая так и не была напечатана на русском, хотя, пока психоанализ не был запрещен, Серафим Михайлович очень хотел ее издать, часто упоминал о ней. Вероятно, позже этот перевод был уничтожен, т.к. не осталось никаких его следов. Он редактирует перевод знаменитой книги Жан Пиаже “Le jugement et le raisonnement”. Т.е., когда мы берем в руки книгу Пиаже «Речь и мышление ребенка» (Москва, 2008) и видим пометку, что в основу издания положен анонимный перевод, опубликованный в 1932 г. Государственным учебно-педагогическим издательством, можно предположить, что Серафим Михайлович причастен к этому. Надо проверять. Наконец, Василейский был членом советской делегации на IV Международной конференции по психотехнике в Париже в 1927 г.

Насколько типичным для того времени было обучение русских студентов-психологов в Европе?

Очень интересный вопрос. То, что студенты выезжали на стажировку за границу, учась в каком-либо российском университете, это, безусловно, было. К сожалению, обобщенных данных нет, об этом можно узнать, только изучая конкретную биографию. Например, А. Ф. Лосев, будучи учеником Г. И. Челпанова в Московском университете, поехал в научную командировку в Германию в июле 1914 г., но начавшаяся война заставила его вскоре вернуться. А. П. Болтунов учился в Берлинском университете, где работал под руководством Карла Штумпфа (Carl Stumpf, 1848–1936). Безусловно, были российские студенты, получавшие образование за границей. К счастью, тут дело обстоит лучше: есть большой исследовательский проект «Русское научное зарубежье», проводимый Домом русского зарубежья им. А. И. Солженицына (автор-составитель – М. Сорокина), в рамках которого издаются библиографические словари по научным отраслям, где отражены биографии российских ученых, в том числе, обучавшихся в европейских университетах, а также – живших и работавших. Есть отдельный том, посвященный ученым-психологам.

Ровесником Василейского был Питирим Александрович Сорокин (1889–1968); в 1909 году он начал учиться в Психоневрологическом институте, а годом позже стал студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. У Сорокина сложились добрые отношения с В. М. Бехтеревым, М. М. Ковалевским, последний предложил ему быть соредактором «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма». В Ваших поисках Вы обращались к документам Психоневрологического института? Если «да», то не встречалась ли Вам фамилия Сорокина? В 1921 году он изучал голод в Самарской губернии, где тогда в Самарском государственном университете работал Василейский. Получается, что Василейский и Сорокин могли быть знакомы... Что Вы по этому поводу скажете?

Я делала запрос в архив Бехтеревского института о наличии документов о Василейском, там есть его личное дело. Надо ехать.

Давайте подождем, может, что интересное обнаружится... Расскажите о работе Василейского в Самаре.

В педагогическом институте Самары С.М. Василейский начинает работать в 1918 г., в августе того же года он был преобразованный в университет. Его первым ректором был известный психолог Александр Петрович Нечаев (1870–1948). Он обучался в лабораториях В. Вундта и А. Бине и признается одним из основателей экспериментального направления в дореволюционной русской психологии. Серафим Михайлович с 1919 г. стал занимать должность доцента психологии и педагогики, а после отъезда Нечаева возглавил кафедру психологии и педагогики. Также он был председателем школьно-психологического отделения педагогического факультета, заведовал психологической лабораторией, где вел занятия по экспериментальной психологии. На основе анкетных опросов 1919–1922 гг. Василейский провел исследование, с результатами которого выступил на Втором всероссийском психоневрологическом съезде в Ленинграде в 1924 г. Его выступление было отмечено Златой Ионовной Лилиной (1882–1929) – педагогом, деятелем народного образования, также – женой Г. Е. Зиновьева. В то время она была заведующая петроградским губоно.

Это был очень интересный съезд. Обычно, говоря об этом событии, особо отмечают первое публичное появление гомельского педагога Льва Семеновича Выготского (1896–1934), но мне бы хотелось обратить внимание на другое. Здесь, на педологической секции, прозвучало несколько докладов, в которых шла речь об изучении детских представлений: «Психологические типы в условиях современной школы» (профессор Сергей Алексеевич Золотарев, 1872–1941), «Психология школьников Орловской губернии в начале Октябрьской революции» (профессор Дмитрий Иванович Азбукин, 1883–1953), «Результаты анкеты о настроениях учащихся в условиях современной школы» (Лев Семенович Выготский), «Развитие социального сознания ребенка» (Иван Николаевич Дьяков, 1881–1937), «Развитие социального чувства у детей» (профессор Иван Василевич Эвергетов, 1877–1942). В последствии подобные исследования – исследования представлений у детей и взрослых о современной жизни – широко использовались для научного учета влияния среды на сознание «нового человека».

Вам удалось лишь узнать названия докладов или в указанном Вами обзоре есть хотя бы краткие аннотации сообщений?

Аннотации есть.

Похоже, что эти работы – примеры не только исследований по социальной психологии, но – по социологии.

Да, целый пласт работ по педологии, а чуть позже – по психотехнике, пригодились бы и социологам, работающим в русле истории отечественной социологии. Также для примера можно вспомнить, что на Первом всероссийском съезде по психоневрологии (Москва, 1923) было несколько докладов, посвященных проблеме голода: М. Е. Шуберт «Психологические наблюдения над голодающими детьми», З. А. Шумская «Влияние голода на интеллектуальную сферу детей», А. И. Кузнецов «Несколько случаев заболевания среди голодающих детей», Илья Моисеевич Левинсон (нашла только его) «Детские правонарушения на почве голода», что неслучайно: 1923 год – последствия страшного голода 1921 года выступают все отчетливей и ярче... Как тут не вспомнить работу Питирима Александровича Сорокина «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь»...

А Вы не могли бы сказать, где перечисленные Вами ученые обучались анкетированию? Можно допустить, что это – влияние на русских ученых Вундта, Бинэ и их сотрудников?

Вполне возможно. В России известным специалистом по методу анкетирования был Александр Павлович Болтунов (1883–1942). Как я говорила выше, в 1909 г. он закончил Берлинский университет, где занимался под руководством К. Штумпфа, и Московский университет. В 1916 г. им была написана книга «Метод анкеты в педагогическом и психологическом исследовании», где анкетированию автор пророчил большое будущее.

Сорокин и его друг Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938), основоположник теории экономических циклов, обучаясь в Санкт-Петербургском университете, были активно вовлечены в политическую деятельность. Что по этому поводу известно о Василейском? Может потому он остался жив и не был выслан из страны, что был вне политики?

Мной не было найдено ни одного подтверждения того, что Серафим Михайлович был политически активен. Он вряд ли мог быть с теми, кто был выслан из страны в 1922-м. Смотрите: из голодного Петрограда он бежит в 1917 г. в родные края, в Самару. Устраивается на работу в гимназии, как-то налаживается быт. Дальше – лучше: он работает в университете, общается с Александром Петровичем Нечаевым, даже неформально, наконец-то есть возможность заняться наукой. В 1923 г. выходит первая книга Василейского «Основные вопросы и выводы школьной педагогики»⁵.

Как мне представляется, вряд ли он был доволен происходящим, но максимум, что он себе позволял (как я увидела) – это резкие высказывания в адрес студентов педфака НГУ, совершенно по-хамски себя ведущих на лекциях. Этот случай произошел в 1930 г., имел тяжелые последствия для Василейского: бесконечные объяснения в печати и на комиссиях, проработки на собраниях – кем? Теми же студентами! В это время у него умирает жена, он остается с двумя малолетними детьми на руках. Забота о семье, мне кажется, для Василейского всегда была приоритетной. У Серафима Михайловича было достаточно «грехов», которые ему не давали забыть: сын священника, сам окончил семинарию, учился в Германии, прекрасно знал французский и немецкий, был в Париже на конференции... В 1936 г., в разгар осуждений трудящимися страны «троцкистско-зиновьевской гадины», Василейскому пришлось выступить на общем собрании педагогического института от лица беспартийных. Он старался оставаться тем, кем он был: честным ученым. Так, в 1930 г. в своих лекциях он все еще не критикует Фрейда, что было с негодованием отмечено проверяющей бригадой Наркомпроса; широко использует теории зарубежных ученых в обзорных лекциях; в начале 1950-х гг. «не вскрывал качественное отличие психики советских людей от психики людей буржуазного общества»: он не терпел пустых, демагогических выступлений на собраниях, особенно, когда докладчик начинал обличать какого-либо буржуазного философа, не прочтя его работ – резко поправлял, цитируя соответствующие положения на языке оригинала.

Как долго Василейский работал в Самаре? Наверное, события тех непростых времен заставляли его не раз менять место работы?

В Самаре Серафим Михайлович проработал до 1923 г., в конце этого года он был избран профессором психологии и педагогики в Витебском педагогическом институте, в котором и проработал до февраля 1924 г., отсюда переехал в Минск, в Белорусский государственной университет, где возглавил кафедру психологии. Истинные причины переезда нам неизвестны, сам он в документах пишет: в связи с реорганизацией вуза.

Сохранились ли воспоминания Василейского о годах работы в Кирове?

Сохранились служебные документы, относящиеся к кировскому периоду жизни Василейского: характеристика, данная директором пединститута, переписка с пре-

⁵ Василейский С.М. Основные вопросы и выводы школьной педагогики / Сб.: В помощь школьному работнику I ступени. Вып. 1. Издание Самарского губпроса и Самарского губоно. 1923. С. 47–85.

подавателем психологии Петром Петровичем Распоповым⁶, с которым они делили часы, по поводу содержания курса, кое-какие бухгалтерские документы.

За время работы в Кирове (до 1944 г.) Василейский подготавливает книгу (может быть, учебник?) по истории психологии, к сожалению, не изданную и не найденную, но выходит его большая статья «Психологические учения Ламетри», работает над докторской диссертацией «Психология технического изобретательства», читает лекции на психологические темы для учеников средних школ, учителей и родителей. Естественно, читает лекции по психологии студентам института. В 1943/1944 уч.г. заведует кафедрой педагогики.

Давайте доведем рассказ о жизни Василейского до конца. Когда он переехал в Нижний Новгород, чем он занимался в конце 1930-х, какие проблемы он разрабатывал в 40-е, 50-е годы?

Живя в Нижнем Новгороде с конца 1920-х гг., Василейский продолжает психотехническую и педологическую научную деятельность, активно привлекая своих учеников. Так, выходят в печать: педологические и психотехнические «Основной комплекс тестов для испытания умственной одаренности», книга «Комментарии и инструкции к постановке испытаний по основному комплексу тестов», рецензия на книгу И. Н. Шпильрейна, С. Г. Геллерштейна, В.М. Когана и Ю. И. Шпигеля «Руководство по психотехническому профессиональному подбору». Выходит 3-е издание «Основных вопросов педологии» (С. М. Василейский – составитель), за что от А. Б. Залкинда – идеолога педологии – получает обвинение во «враждебном нейтралитете», «методологической мешанине». До 1938 г. Василейский читает лекции, руководит кафедрой педологии (после 1936 г. – психологии), осуществляет научное руководство Психофизиологической лаборатории Нижегородского краевого института по изучению профессиональных заболеваний, работает как научный консультант в Психофизиологической лаборатории (руководитель – К. К. Платонов) Горьковского автомобильного завода им. Молотова, возглавляет Горьковское отделение ВОПиПП (Всероссийское общество психотехники и прикладной психофизиологии). В 1938 г. его увольняют из горьковского педагогического института с формулировкой «За протаскивание педологических извращений в курсах “Детская психология” в 1936–1937 уч.г. и в 1937–1938 уч.г., разоблаченных и осужденных Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г.», и он уезжает в Киров, в Кировский государственный пединститут. Работает там профессором, читает психологию. В конце войны возвращается в Горький, восстанавливается в пединституте. Опять возглавляет кафедру психологии, занимается с аспирантами, пишет докторскую диссертацию «Психология технического изобретательства»⁷.

Процедура защиты прошла в 1952 г., и, несмотря на то, что из 20-х членов Ученого Совета в тайном голосовании «за» присуждение С. М. Василейскому ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) проголосовали 18 человек, «против» – два человека, ВАК не утвердил защиту. Об этом подробно написано в книге о Василейском. Но он не опускает руки. Выпускает книгу «Лекционное преподавание в высшей школе», готовит к изданию книгу по своему диссертационному исследованию в издательстве «Профтехобразование». В 1960 г. издательство почему-то

⁶ Распопов П.П., будучи научным сотрудником Кировского педагогического института, еще в середине 1930-х гг. был известным педологом в Кировском крае, работал с несовершеннолетними правонарушителями в Кировском ФЗУ Наркомата юстиции. Известна его работа: Характер и воспитание. Киров, 1959. – 32 с.

⁷ Василейский С. М. Психология технического изобретательства. Автореф. дисс. на соискание ученой степени д-ра пед. наук (по психологии). Горький, 1952. – 31 с.

«переигрывает» свои договорные обязательства, объясняя примерно так: «Ну кому нужна такая книга? А вот маленькая брошюра для молодых рабочих, учащихся ПТУ – пожалуйста». Василейский пишет небольшую книжку «Развитие интереса и любви к технике у молодых рабочих», которая выходит в 1961 г. На обложке фамилия автора уже в траурной рамке...

Можно ли сказать, с кем из коллег в Москве, Ленинграде Василейский поддерживал контакты? В целом, каким был его круг профессионального, личного общения?

Это сложный для меня вопрос. Личных писем сохранилось совсем немного: два от Александра Петровича Нечаева (1922 г. и 1924 г.), два – от Константина Николаевича Корнилова (1940 г. и 1946 г.), по тексту которых видно, что общение было теплым, личностным. Представить, что Василейский ни с кем не вел переписку – невозможно. С кем-то он должен был обмениваться мыслями! Мне кажется, что с коллегами и учениками из пединститута полноценного научного общения не могло получиться, Серафим Михайлович был другим, он был европейцем... Но добрые, теплые отношения с коллегами у него, безусловно, были.

На стр. 30–31 вашей книги о Василейском сказано, что он работал по теме: «Идеалы и настроения современной молодежи по анкетным данным». Вы не знаете, опубликован ли результаты этого исследования? Предпринимались ли им другие попытки изучения тех или иных сторон массового сознания?

Тщательно изучив биографию Серафима Михайловича, могу утверждать, что речь идет о так и не опубликованной его работе, с которой он выступал на Втором всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 г. Его исследовательская деятельность касалась идеалов детей Самары, которые он изучал на основе анкетных опросов в 1919–1922 годах. Было собрано более тысячи анкет среди дошкольников и школьников. Анкетирование дошкольников проводилось по принципу естественного эксперимента, и ответы детей записывались самими анкетерами. Исследовались идеалы детей, и среди задававшихся вопросов были к примеру такие: «Что тебе нравится в современной России и что не нравится», «Если бы тебе не удалось быть тем, кем ты хочешь, то кем бы ты хотел быть еще?», «Что бы ты сделал, если бы имел большую власть? Почему?» и т.д. Многие дети отвечали, что в современной России им не нравится: питание (анкета проводилась в голодное время), другие отвечали – «свобода» (5%), третьи – «советский строй» (3%) и т.д. Чем моложе были дети, тем более оптимистичными были их ответы. Не понравилось детям: голод (31% девочек и 27% мальчиков), смерть и т.д. Были указания и на людоедство. Что сделали бы дети, если бы имели власть? – «Принес бы счастье своему народу», «Наладил бы питание, хозяйство» и т.д. А один пишет: «Я бы наслаждался властью, приказывал, уничтожал бы город». 0,5% не хотели иметь никакой власти.

Еще в 1923 г., по свежим следам, статья была отправлена в «Педологический журнал», который издавался неизвестным ныне педологом Всеволодом Николаевичем Басовым⁸ (1892-?) в Орле. Кстати, вот ирония истории: орловского педолога, большого энтузиаста педологического движения В. Н. Басова историки психологии часто путают с известным педологом Михаилом Яковлевичем Басовым (1892–1931).

---

⁸ Сорокина М. Ю., Стоюхина Н. Ю. Всеволод Басов (1892–1937(?)) – новое имя в истории российской психологии и педологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Ч.1 / Под ред. В.С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ». 2016. С. 248–253.

А уникальный журнал Орловского педологического общества – «Педологический журнал», вышедший только в 1923–1924 гг., путают с хорошо известным журналом «Педология», издаваемым сектором науки Наркомпроса РСФСР в 1928–1932 гг... В результате, психологам неизвестен как В. Н. Басов, так и его уникальный «Педологический журнал». Возвращаюсь к Василейскому и его статье. Все двадцатые годы он пытался опубликовать эту статью, но не смог. В 1928 г. выходит новая работа Серафима Михайловича, носившая более психологический характер, – «Экспериментально-психологическое исследование мышления детей», где изучает способность оперировать с понятиями, суждениями и умозаключениями.

Попыток изучения массового сознания психологами в 1920–1930-е гг. было огромное количество: Д. Азбукин, М. Ф. Беляев, А. А. Гайворовский, П. Я. Колотинский, К. Н. Корнилов, В. В. Орлова, Н. А. Рыбников, А. П. Семенова-Болтунова и др. – вот только немногие имена исследователей.

Ваша книга о деятельности психотехников, живших в Беларуси, увидела свет в 2009 году. Что в области изучения судеб мало известных сейчас советских психологов, работавших в первой трети XX столетия, удалось Вам сделать за истекшее время? Какие планы на ближайшее будущее?

В последнее время меня заинтересовала история психологов, живших в провинции. Жизнеописания провинциальных ученых – яркие, но при этом – типичные случаи, раскрывающие типы ментальностей эпохи как серьезный фактор истории науки. Провинциальных ученых прошлого трудно отнести к «героям» отечественной истории психологии, о которых пишут статьи, ведется изучение его жизненного пути и творчества. Да и историкам науки трудно отказаться от привычных и удобных штампов-представлений об ученых – «больших» и «не очень», – так велика привычка, подкрепляемая эффектом узнавания. В научном психологическом сообществе отсутствует адекватное представление о роли и месте в истории науки провинциальных психологов, что, на наш взгляд, связано с тем, что их судьбы остаются не обозначенным и не осмысленным явлением в истории психологии. До сих пор провинциальная психология не осознается как значимая часть российской психологической науки. Образ провинциальной психологии в России в той немногочисленной части опубликованных материалов состоит из редких фрагментов, осколков некоторых биографий и описаний достижений отдельных ученых-психологов. Опять же подвел меня к этой тебе С.М. Василейский. Началось все с вопроса: кто был рядом с Василейским в Самаре? в Минске? в Нижнем Новгороде? Собран большой материал о нижегородских психологах и психотехниках 1920–1930-х гг.

Однажды задала себе вопрос (и очень удивилась, почему так поздно он возник): если Нижегородский университет (моя alma mater) – первый советский университет и создан в 1918 г., значит, он был создан по образцу дореволюционных российских императорских университетов, где были историко-филологические факультеты, значит, были философы, психологи? К тому же, были какие-то небольшие заметки о работе А.Ф. Лосева в Нижнем Новгороде. В результате моего любопытства родилась книга о первом историко-филологическом факультете в нашем университете в 1918–1921 гг.⁹, о работе там учеников известного философа и психолога Г. И. Челпанова:

---

⁹ Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918 –1921 гг.): Монография. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2013. 307 с. (Борис, если эта ссылка лишняя, уберите)

А. Ф. Лосева, П. С. Попова и Н. В. Петровского. И я узнала Николая Васильевича Петровского, интересного психолога, сгинувшего в 1930 г. и абсолютно забытого в наше время.

Когда искала материал для книги по истории психологии воздействия плаката и рекламы, новый материал буквально накрыл меня! Хотя «новый» – это условно. Это статьи и книги конца 1910-х гг., т.е. сразу после революции, и до конца 1930-х гг., и, увы, тоже все забыто. Возможно, кто-то скажет, что они не актуальны, но я не соглашусь. Читая некоторые современные работы по психологии рекламы, где авторы предлагают методы изучения эффективности рекламного продукта, поражаешься заимствованиям из работ 1930-х гг.

И в целом, прошлое отечественной психологии первой половины прошлого века слабо изучено. Это тема требует важного и ответственного исследования.

Вторая беседа. Все же не все уничтожено, в семьях еще что-то хранится

Наташа, Ваша книга с Л.А. Кандыбовичем, значительная часть которой посвящена анализу жизни и творчества С.М. Васильевского, увидела свет в 2009 году. Удалось ли с тех пор Вам раскопать еще какие-либо забытые имена российских психологов?

Да, за прошедшие годы мне удалось еще кое-что. Я начала и успешно продолжаю свой личный проект, который условно назвала «Психология в Нижнем Новгороде», в рамках которого нашла почти всех нижегородский психологов, работавших в первой трети XX в., это и учителя психологии в гимназиях, и преподаватели психологии в уже советских вузах, и педологи, и психотехники... Их оказалось, на удивление, много. Работа идет сложно, особенно трудно найти фото, даты рождения и смерти, еще труднее – могилы... Опять же, задав себе вопрос: кто преподавал психологию в открывшемся в 1918 г. Нижегородском университете, нашла интересную информацию об учениках Г. И. Челпанова, приехавших работать на историко-филологический факультет: А. Ф. Лосеве, Н. С. Попове и Н. В. Петровском. Последний и был психологом, увы, сейчас совершенно забытым. Я написала о нем большую статью, а также рассказала о нем в книге о первых преподавателях историко-филологического факультета 1918–1921 гг. Судьба такого ученого как Николай Васильевич Петровский – моя боль... У каждого из нас есть право на две даты на могильной плите, но в случае с людьми, работавшими в 1930-х гг., это часто только год рождения, а далее – прочерк, и этот прочерк мой личный враг, если хотите, Борис. Хотя бывает, что и дата рождения весьма условна...

Наташа, то, что Вы делаете, – наука высокого класса и одновременно ценнейшее гражданское деяние... Вы не пробовали связаться с движением «Последний адрес»? Наверное, в ходе сбора материалов Вы не только работаете в библиотеках и архивах, но ищете потомков, родных Ваших героев... Пожалуйста, расскажите об этом подробнее.

Спасибо, Борис, за высокую оценку. О «Последнем адресе». Да, был такой ученик Г. И. Челпанова психолог и психотехник Иван Николаевич Дьяков. В советское время он занимался вопросами воздействия городской среды на человека, а именно: как влияет реклама на городского жителя, как сделать безопасной езду городского транспорта и т. п. Был расстрелян в 1937. Поиски родственников я даже не начала – просто не знала, каким образом... Уж очень фамилия распространенная. Но о Дьякове было известно многое (конечно, через архивы, в т.ч. архив Ярославского

государственного педагогического университета, где он работал некоторое время), и я подала заявку на размещение памятного знака на доме, откуда он ушел в последний раз. Вот жду...

О родственниках. Обнаружение потомков своего героя – большая радость, когда понимаешь: дошла! Будто долго шла по дороге, порой наугад, иногда сомневаясь, желая вернуться назад, но все-таки, шла... И вот он – искомый итог. Родственники, которых я находила, в целом, замечательные люди. Они по-разному реагируют на мои первые обращения, как правило, удивляются, но им приятно, конечно... Бывало так, что я много нового рассказывала об их предке, это было большим открытием. Я благодарна этим людям, они щедро показывают фотографии, документы, сохранившиеся в семье. Вообще, мое знакомство с ними часто инициирует новую волну воспоминаний, раздумий о том человеке, которого нет, и об истории семьи вообще. Но мне бы меньше всего хотелось, чтобы Вы, Борис, подумали, что так просто даются первые обращения к этим замечательным людям. Я волнуюсь. Это, по сути, вторжение, тебя не ждут, а ты настаиваешь... И человек, память о котором ты тревожишь, пережил непростое время в 1930-е гг., а часто – погиб... В семьях отношение к этому разное.

Наташа, спасибо за присланную книгу «Психология воздействия в советской психотехнике: 1920–1930-е гг.», посмотрел ее с огромным интересом. Во-первых, вернулся в далекое прошлое, в конце 60-х я работал над кандидатской по применению факторного анализа в психологии. Эмпирическую часть делал в сотрудничестве с И. М. Палеем, а общие вопросы обсуждал с Б. Г. Ананьевым. Он предложил заняться «миграцией метода» из одной области психологии в другую и посмотреть, когда и кто в СССР был первым в этом деле. Не имея базового образования в психологии, я вынужден был работать большой лопатой – смотреть все и всюду. Тогда-то я раскопал и читал работы по психотехнике. И, во-вторых, я конечно же удивлялся и радовался тому, как много сделано в области истории – пусть лишь одного направления – отечественной психологии 1920–1930-х годов. Хотя, мы с Вами понимаем, что многое из той эпохи потеряно навсегда.

Наташа, что подсказывает Ваш опыт «научного следопыта»? Есть ли вероятность нахождения материалов по истории российской социологии 20–30-х годов в архивах библиотек и в домах потомков социологов того времени?

Несколько лет назад, может быть, всего лет пять назад, я быстро бы с Вами согласилась в том, что многое потеряно. Но сейчас подумаю, прежде, чем ответить... Когда много занимаешься поиском информации о человеке, поверьте, результат обязательно будет. Не так быстро, как хочется, и не в одном источнике, а будто пунктиром, понемногу, из разных источников, но он все равно будет. Например, я несколько лет искала данные о психотехнике Д. И. Рейтынбарге, и, как говорят, когда что-то хочешь, нужно отправить вопрос во Вселенную (смеюсь). Отправила. Вселенная молчала несколько лет. Но вдруг коллега говорит, что его дочь жива, ей немало лет, живет в США. Несколько лет ушло на поиск дочери. Нашлась – в здравии, к счастью; она написала книгу о себе и своем отце, прислала мне. И помогла найти еще одного родственника другого психотехника. Замечательные люди!

Или вот еще... как-то написала о профессоре Иване Пименовиче Четверикове (1875–1969), о нем были такие небольшие и противоречивые сведения... я хотела просто обобщить все эти крохи информации и привлечь чье-нибудь внимание

к этому имени. Ну а вдруг? И – полная неожиданность! – мне пишет невестка И. П. Четверикова с предложением поделиться тем, что ей известно. Это ли не подарок судьбы?

Что касается истории российской социологии 20–30-х годов, то не могу не сказать о недавно вышедшем трехтомнике «Бызовы. Голоса прошлого», составленного московским социологом и политологом Л. Г. Бызовым и его двоюродной сестрой Т. А. Семеновой. Там море новой информации! В том числе, и по истории психологии. Я думаю, что несмотря на известное и укоренившееся в обществе представление о том, что в те годы люди уничтожали письма, дневники, фотографии свои или своих близких, не стремились их хранить, боялись, все же не все уничтожено, в семьях еще что-то хранится. И мы видим отлично работающие сайты, фиксирующие источники XX века, например, «Прожито» (<http://prozhito.org>), «Устная история» (<http://oralhistory.ru>), «Портал частной истории Мемуарист» (<http://www.memuarist.com/ru/>)... Ну и если есть жажда узнать что-то, нужно идти в архив. Это требует временных затрат, конечно, но без них никак нельзя.

Ознакомился с Вашей новой книгой «Психология воздействия в советской психотехнике: 1920–1930-е гг.»¹⁰ – очень интересная работа. Конечно, психотехнику традиционно относят к одному из направлений психологической науки, но это и раздел социологии труда, и в этом плане сделанное Вами становится и частью истории советской социологии 20–30-х годов. Мне кажется, было бы интересным «прочтение» работ – во всяком случае, классиков психотехники – «глазами социолога» организации труда. Так, А. К. Гастева относят и к психологам труда, и к социологам. Наверное, Вы опираетесь на материалы этой книги Вашем курсе по истории советской психологии? А не думаете ли Вы о подготовке докторской диссертации?

Да, конечно, А.К. Гастев сыграл большую роль в становлении психологии и социологии труда, как без упоминания его имени?...

О докторской я не думаю – очень много дел нужно сделать, не хотелось бы отвлекаться на процедуры, сопутствующие защите. И перестала понимать, зачем она...

Пожалуй, понимаю Вас, Наташа. И все же, какие у вас планы на ближайшие годы? Кто знает, может еще через сколько-то лет, в начале 2020-х снова поговорим о ваших историко-научных поисках?

Совсем в ближайшее время я должна переработать, переписать книгу о психологии воздействия. Так бывает (и думаю, почти у всех исследователей) – сначала материал ищется с большим трудом, несмотря на массу твоих усилий, ты рад каждой найденной статье и новому имени, потом что-то меняется – материал поступает регулярно, ты успеваешь его прочитывать и осмысливать, потом – он валится на тебя как лавина, ты буквально задыхаешься в нем. Заканчиваешь работу. Выдыхаешь. А материал все поступает... Вот как раз такая ситуация – некоторые факты увиделись с неожиданной стороны, во многом благодаря друзьям, прочитавшим книгу, они задавали вопросы и помогли сформулировать новые...

---

¹⁰ Кандыбович Л.А., Стоюхина Н.Ю. Психотехники Беларуси: имена и судьбы. — Минск: Тесей, 2009 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=300>>.

Постоянно же я занимаюсь тем, что ищу информацию о каком-то человеке – психологе. Этом может быть место его работы, захоронения, его статьи (кстати, тоже непросто, т.к. не известно, в каких ведомственных журналах печатался), или же, вот, например, конкретный случай, был человек с отчеством Осипович, репрессирован, потом неизвестно, где был, и вдруг двадцать лет проходит – такое же имя-фамилия, но отчество Иосифович. Занимал серьезную должность в серьезном НИИ, умер в 1970-х. Казалось бы, что проще? – посмотреть в личном деле его историю (для начала). И нынешний директор НИИ, спасибо ему огромное, не отказывается (святой человек!), попросил своих сотрудников из отдела кадров найти дело. И нет дела! Не могут найти. Но я жду...

И вообще, давайте встречаться в 2020-х, уверена, будет интересно!